

Изначально Сяо Кань планировал лишь немного выпить с двумя другими, чтобы поддержать компанию, но в итоге это превратилось в попытку утопить свои печали в вине, и к концу он уже чувствовал себя слегка одурманенным.

В руке он всё ещё держал цзунцзы, которые дала ему госпожа Ли, шатаясь, он направлялся обратно.

Когда он вернулся в покои Цзинъюань, опёрся о дверной косяк и увидел, что на каменной скамье во внутреннем дворе сидит человек, то подумал, что это галлюцинация, плод его изнурённой тоской фантазии.

Под влиянием алкоголя он дал волю своим чувствам и, обращаясь к тому, кого считал иллюзией, беззаботно произнёс:

— Сун Чунцзинь, куда ты пропал? Ты знаешь, что я каждый день готовлю еду и жду тебя, чтобы поесть вместе?

Фигура, сидящая во дворе, явно удивилась, а затем тихо фыркнула:

— Ты всегда так обращаешься к своему учителю, называя его по имени?

На этот раз удивился уже Сяо Кань. Он выпрямился и подошёл ближе, осознав, что это не галлюцинация.

— Учитель, учитель, вы вернулись.

В его сердце смешались сотни чувств.

Сун Юй бросил взгляд на цзунцзы в руке Сяо Кана, затем поднял глаза и спросил:

— Ты всё обдумал?

Сначала Сяо Кань не понял, о чём спрашивает Сун Юй. Положив цзунцзы на стол, он наконец осознал суть вопроса и смущённо ответил:

— Учитель, Цзинъюнь не понимает.

— Я спросил, обдумал ли ты всё, а не понял ли ты или осознал.

Сун Юй ударил кулаком по столу.

Сяо Кань, как обычно, когда его отчитывали, стоял перед учителем:

— Если дядя спрашивает о том, как я поднял руку на мисс Ду, то Цзинъюнь готов принять наказание. Однако это не означает, что я могу принять её неуважение к учителю.

— Ты не подумал о её слабости, когда действовал грубо. Я накажу тебя позже.

Сун Юй кашлянул и продолжил:

— Однако я спрашиваю тебя, обдумал ли ты своё неуважение ко мне. Ты... понял ли ты это?

Сяо Кань пристально смотрел на учителя, и, несмотря на слабое освещение, он что-то заметил. Его лицо изменилось.

— О? О каком неуважении говорит учитель? О каком именно случае?

— Сяо Цзинъюнь!

Сун Юй разгневался и снова ударил по столу.

Сяо Кань, словно поймав учителя на чём-то, с ухмылкой продолжил:

— Учитель, скажите, о каком случае идёт речь? О том, когда мы спали в одной постели в деревне Цзян, или о том, что произошло в Медной башне, или, может, о том, как я наносил вам лекарство?

Не дожидаясь ответа, Сяо Кань добавил:

— Почему у учителя уши покраснели? Неужели смущаетесь?

— Я вижу, ты ещё не всё понял!

Сун Юй почувствовал, как его лицо заливается краской.

Сяо Кань не сдавался. Он даже присел на корточки, положив руки на бёдра Суна Юя, и, слегка запрокинув голову, наслаждался удивлённым взглядом учителя.

— Учитель, я действительно не понимаю, почему вы до сих пор не знаете о чувствах Цзинъюня.

Сун Юй почувствовал запах алкоголя, исходящий от собеседника, и поспешно встал.

— Ты пьян, поэтому я буду считать, что этих слов не было. Не повторяй их снова.

— Учитель!

Сяо Кань ловко схватил пытающегося уйти Суна Юя и обнял его за талию. Сун Юй потерял равновесие, и его спина упёрлась в грудь Сяо Кана.

— Негодяй! Ты понимаешь, что делаешь?

Спина Суна Юя ощущала тепло другого человека, а его руки крепко сжимали талию.

Сяо Кань положил подбородок на плечо учителя и прошептал ему на ухо:

— Понимаю, я украдкой наслаждаюсь учителем.

— Отпусти, учитель... не хочет поднимать на тебя руку.

Сун Юй вдохнул воздух, успокаивая себя мыслью, что собеседник просто пьян и ведёт себя глупо.

— Учитель, почему вы так непонятливы? Цзинъюнь любит учителя.

Рука Сяо Кана поднялась и легла на грудь Суна Юя.

— А учитель хочет поднять на Цзинъюня руку.

Сердце Суна Юя заколотилось, как будто его облили кипятком.

— Если не отпустишь, не вини меня за то, что я забуду о наших отношениях учителя и ученика.

— Тем лучше.

Сяо Кань, словно под чарами, укусил учителя за шею.

Сун Юй наконец не выдержал. Он ударил локтем в грудь Сяо Кана и одновременно безжалостно наступил на его ногу. Воспользовавшись моментом, когда тот застонал от боли, он вырвался из его объятий и дал Сяо Каню пощёчину.

— Хм.

Сяо Кань остался в том же положении, с кровью, выступившей в уголке рта. Он потряс ногой, на которую наступили.

— Учитель действительно скуп на чувства к Цзинъюню.

Сун Юй осознал, что переборщил с силой, и, разозлившись, сказал:

— Не говоря уже о чувствах, наши отношения учителя и ученика — это табу! Понимаешь?

Сяо Кань молча кашлянул и выплюнул кровь на землю.

— Ты!

Сун Юй чувствовал себя растерянным, но не мог не испытать жалости, подойдя, чтобы осмотреть рану.

Он взял Сяо Кана за подбородок.

— Дай учителю посмотреть.

Сяо Кань тяжело дышал от боли, уголок его рта дёрнулся. Пока учитель осматривал его, он обнял его руками и снова укусил за шею.

— Ты понял? Я твой учитель! Более того, твой дядя!

— Я могу не считать тебя дядей!

— Это табу!

— Сяо Цзинъюнь любит Суна Юя, и мне всё равно, табу это или нет!

Сун Юй был потрясён, или, скорее, тронут этими словами.

— Сун Чунцзинь, слушай внимательно. Сяо Цзинъюню всё равно, учитель ты или кто-то ещё. Цзинъюнь любит тебя, и табу — это всего лишь слова других людей, которые меня не волнуют.

— Учителю это важно! Ты думаешь, это нормально?

Сяо Кань, словно поймав на чём-то важном, с воодушевлением спросил:

— Учитель говорит, что тоже любит Цзинъюня?

— Нет, нет.

Сун Юй схватил его за запястье, всё ещё пытаясь вырваться из объятий.

— Нет, не может быть, и никогда не будет.

Сяо Кань крепко держал его за талию, боясь, что учитель снова убежит на несколько дней.

— Тогда почему учитель избегает меня? Если бы учитель ничего не чувствовал к Цзинъюню, то просто отругал бы меня несколько раз. Почему же вы ушли из гор?

— Учитель хотел, чтобы ты остыл.

Сун Юй почувствовал, как руки Сяо Кана сжимаются всё сильнее.

Взгляд Сяо Кана был прикован к глазам учителя, которые старались избегать его.

— Цзинъюнь не может успокоиться, даже если не видит учителя ни на день, ни на час.

— Замолчи!

Сун Юй собрался с силами.

Сяо Кань почувствовал радость, как будто получил ответ. Его глаза загорелись.

— Учитель, Чунцзинь, Сун Юй, будьте со мной.

— ...

Сердце Суна Юя билось быстрее.

Но ответа Сяо Кань не дождался. Сун Юй серией ударов моментально сбил его с ног.

Главное, что Сяо Кань даже не пытался сопротивляться.

— Если в следующий раз ты скажешь что-то подобное...

Сун Юй с неопределённым выражением лица смотрел на лежащего на земле Сяо Кана.

Сяо Кань перевернулся на спину, глядя на учителя, и с улыбкой, сквозь боль, спросил:

— И что?

— Тогда ты покинешь покои Цинъюань.

Сун Юй произнёс это твёрдо, и улыбка на лице Сяо Кана моментально исчезла.

— Учитель, Цзинъюнь виноват?

Сяо Кань горько усмехнулся.

Сун Юй не ответил, направившись в свою комнату.

Гуань Яо в последние дни слишком увлёкся развлечениями. Он не знал, что случилось с Сун Юем, но тот вдруг спустился с горы, чтобы найти его, не объясняя причины. Они провели в городе семь-восемь дней без определённой цели.

Гуань Яо, любитель веселья, не видел в этом проблемы, но Сун Юй был человеком замкнутым, и его было трудно вытащить на развлечения. Даже если он соглашался, то всё равно молча ел и пил.

Сегодня, в день праздника Дуанью, Сун Юй предложил вернуться в горы, и они отправились в обратный путь.

Однако к этому времени люди у Медной башни уже разошлись, и он тихо прошёл через деревню, направляясь в свою бамбуковую хижину.

Только поднявшись по каменным ступеням, он увидел, что в хижине горит свет. Гуань Яо вздохнул.

Остаться или уйти? Гуань Яо мысленно насмеялся над собой, думая, что даже возвращение домой теперь зависит от того, есть ли там кто-то.

Открыв дверь хижины, он увидел, что человек внутри явно удивился.

— Дядя Яо, ты действительно не можешь насытиться развлечениями и не хочешь возвращаться.

Чжао Линьцзян, который как раз настраивал цинь, увидев его, сразу же подошёл.

Гуань Яо положил принесённые вещи в сторону.

— У тебя нет дел, поэтому ты приходишь ко мне? Твой отец тебя не контролирует?

— Я не трёхлетний ребёнок, ему не нужно следить за мной каждую минуту.

Чжао Линьцзян зажёл ещё одну лампу, и комната сразу же осветилась.

— Ну да, это так.

Гуань Яо осмотрел свою хижину, которая была безупречно чистой. Видимо, Чжао Линьцзян действительно часто приходил.

Чжао Линьцзян обошёл его сзади, обнял за талию и прошептал:

— В отличие от дяди Яо, который бесконечно предаётся развлечениям, я действительно хотел бы следить за тобой каждую минуту.

<http://bllate.org/book/16311/1471509>